

В.Л. Степанов

д.и.н., Институт экономики РАН, Москва

КРЫМСКАЯ ВОЙНА И ЭКОНОМИКА РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена изучению последствий Крымской войны (1853–1856 гг.) для народного хозяйства России, а также влияния экономической отсталости страны на ход этой кампании. В армию и ополчение была призвана значительная часть трудоспособного населения деревни, тяжелым бременем для крестьянства стали небывалый рост постоянной и подводной повинностей, а также взимаемые властями реквизиционные сборы. В сочетании со скудными урожаями 1853–1856 гг. это привело к сокращению посевных площадей и поголовья скота, росту цен на продовольственные товары и снижению жизненного уровня населения. Огромные военные расходы и уменьшение налоговых поступлений вызвали возрастание ежегодного бюджетного дефицита, который приходилось покрывать с помощью массовой эмиссии кредитных билетов, внешних займов и заимствований из казенных банков. Результатом финансовых затруднений стали возрастание государственной задолженности и расстройство денежного обращения – инфляция и падение курса рубля, сопровождавшееся постоянными колебаниями. Блокада черноморских и балтийских портов англо-французским флотом нарушила торговые связи России с другими странами, резко сократила экспортно-импортные операции и таможенные доходы. Казенная промышленность не справлялась с обеспечением армии, которая испытывала острую нехватку вооружения и боеприпасов. Низкое качество путей сообщения и неудовлетворительная организация интендантской службы не позволяли в необходимом объеме снабжать войска обмундированием, провиантом и фуражом. Оживление коммерческой жизни и развитие частного предпринимательства, вызванные инфляцией и благоприятной военной конъюнктурой, спустя несколько лет сменились промышленным кризисом и общей депрессией в народном хозяйстве, которая затянулась до середины 1860-х гг. Истощение финансов и невозможность полноценного обеспечения армии стали одной из основных причин заключения Россией в 1856 г. униженного Парижского мира. Поражение в Крымской войне стало стимулом для проведения в стране ряда экономических преобразований, которые стали важнейшей составной частью Великих реформ.

Ключевые слова: война, экономика, финансы, военные расходы, промышленность.

Классификация JEL: N63, N53, N63, N73.

Истории Крымской войны (1853–1856 гг.) посвящена большая литература. Тем не менее, эта кампания, положившая начало перелому в истории России, изучена далеко не полно. Наименее исследованным остается состояние народного хозяйства в военные годы. Е. В. Тарле в своем фундаментальном труде ограничился лишь кратким обзором товарооборота между Россией и странами враждебной коалиции [Тарле, 1950. С. 50–61]. Обширный материал по экономической тематике рассредоточен по разным работам. Из специальных публикаций можно отметить лишь статьи Ф. Г. Тернера и А. С. Нифонтова о внешней торговле России в Крымскую войну, а также небольшую статью-заметку американского историка В. Пинтнера об инфляционных процессах в этот период [Тернер, 1858. С. 1–341; Нифонтов, 1971. С. 69–90; Pintner, 1959. Pp. 81–87]. Но обобщающее исследование до сих пор отсутствует. Между тем, учет экономического фактора для оценки итогов и последствий Крымской войны имеет приоритетное значение. В историографии основной причиной поражения России всегда считалась ее отсталость от передовых стран Запада. Однако в современной литературе высказываются и мнения о том, что степень этой отсталости всегда преувеличивалась, а неудачный исход войны был predetermined главным образом дипломатической изоляцией империи, вынужденной действовать в одиночку против мощной коалиции союзников. Кроме того, сомнение вызывает и сам факт военного поражения России. Ведь формально российская армия проиграла только несколько сражений на дальней окраине страны и оставила лишь южную часть Севастополя. Не случайно результаты Крымской кампании вызвали глубокое разо-

чарование в европейских странах, которые надеялись на военный разгром империи. В российском обществе открыто говорили о том, что правительство не исчерпало всех возможностей для более успешного завершения войны и признало поражение преждевременно [Шевченко, 2007. С. 288–298].

Поэтому уместно задаться вопросами: какое воздействие война оказала на народное хозяйство России, и как состояние экономики отразилось на ведении боевых действий? Можно утверждать, что столкновение с враждебной коалицией нарушило весь ход экономического развития страны. Прежде всего, война еще более ухудшила и без того тяжелое состояние деревни. Предвоенные годы были периодом успешного зернового производства. Чистый сбор хлебов в пятидесяти губерниях Европейской России в 1851 г. достиг 167 млн четвертей, в 1852 г. – 169 млн. Средние подушечные сборы составили соответственно 3,1 и 3,2 четверти зерна в год на каждого сельского жителя, что превысило принятую в армии норму хлебного довольствия (3 четверти). Однако урожаем 1853 г. (137 млн четвертей) был средним в черноземных районах и скудным в отдельных губерниях Северного, Северо-Западного и Западного районов. Сбор хлебов в 1854 г. (130 млн четвертей) снизился почти во всех губерниях черноземной полосы и оказался избыточным только в Нижнем Поволжье. В 1855 г. исключительный неурожай (88 млн четвертей) поразил Украину, Черноземный центр, Нижнее Поволжье и большинство нечерноземных регионов. Недостаточный сбор хлебов был зафиксирован в 37 губерниях из 48, где проживало до 73% сельского населения Европейской России. Урожай 1856 г. (131 млн четвертей) был недостаточным на землях степного юга, в Нечерноземном центре и Западном районе, а избыточным только в Нижнем Поволжье и Черноземном центре. Динамику урожайности в годы войны лучше всего характеризуют цифры средних подушечных сборов в черноземной и нечерноземной полосах – 3 и 2 четверти (1853 г.), 2,6 и 2,1 четверти (1854 г.). 1,5 и 1,9 четверти (1855 г.), 2,6 и 2,2 четверти (1856 г.) [Нифонтов, 1972. С. 45, 51, 52, 53].

В войну деревня потеряла значительное количество рабочих рук. К 1 января 1856 г. в действующей армии числилось 824 генерала, 26 614 офицеров, 1 170 184 нижних чина. В резервных частях состояло 113 генералов, 7 763 офицера, 572 158 нижних чинов. Только в 1855 г. было призвано 572 053 рекрута в армию и 366 902 чел. в ополчение и перевозочные парки на Балтийском побережье, т.е. 938 955 человек. Всего под ружье было поставлено более 2,3 млн чел. Армия мирного времени фактически увеличилась в 2,5 раза [Извлечение..., 1856. С. 65]. Кроме того, сельское население в массовом порядке привлекалось к выполнению постоянной и подводной повинностей. В 1855 г. государственные крестьяне выделили 2 423 365 подвод, постоянная повинность составила 39 555 225 дней (в 1854 г. – 20 762 380). Выполнение всех натуральных повинностей в этом году (не считая постоянной) оценивалось в 113,5 млн руб. [Еще раз о развитии..., 1857. С. 191, 192]. По подсчетам Министерства внутренних дел, из 10,5 млн крестьян в возрасте от 18 до 50 лет от сельскохозяйственных работ было отвлечено около 10%, т.е. более 1 млн чел. Такую же цифру называет и И.С. Блюх [Извлечение..., 1856. С. 65; Блюх, 1882. С. 28–31].

В наибольшей степени от тягот войны пострадали южные территории. Через Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую губернии непрерывно двигались войска, транспорты с вооружением, боеприпасами, продовольствием и ранеными. Постоянная и подводная повинности достигли небывалого масштаба. В 1855 г. в Курской, Воронежской, Харьковской и Екатеринославской губерниях для снабжения продовольствием действующей в Крыму армии местные власти провели реквизиционный сбор, в ходе которого с населения было собрано 228 тыс. четвертей сухарей, 28 тыс. четвертей муки, 51 тыс. четвертей круп и 222 тыс. четвертей овса [Извлечение..., 1856. С. 66]. Посевы хлебов в 1853–1855 гг. в Екатеринославской губернии сократились с 831 тыс. до 796,3 тыс. четвертей, в Херсонской губернии – с 824,6 тыс. до 398,5 тыс. четвертей. Экспорт пшеницы через черноморско-азовские порты за эти годы уменьшился с 6 246,4 тыс. до 118,8 тыс. четвертей, ржи – с 403,6 тыс.

до 3,1 тыс. четвертей, ячменя – с 64,8 тыс. до 2,6 тыс. четвертей [Дружинина, 1981. С. 56, 69, 184, 186, 195, 203, 204].

Катастрофическому опустошению подвергся Крым, прежде всего Евпаторийский, Перекопский и Симферопольский уезды. Южную часть полуострова современники сравнивали с огромным кладбищем. Более 300 деревень были покинуты населением, появилось много незанятых земель. В 1853–1855 гг. посевы хлебов в Таврической губернии сократились с 394,9 тыс. до 248 тыс. четвертей, картофеля – с 13,6 тыс. до 4,7 тыс. четвертей [там же. С. 81, 82, 205; Крым, 1988. С. 41, 42]. Через ее территорию прошло до 300 тыс. военнотружеников. Для их передвижения было использовано 653,7 тыс. подвод, а для всех военных нужд государственные крестьяне предоставили 821,8 тыс. подвод, выделили 200 тыс. пеших и 12 тыс. конных работников. С 1 мая 1854 г. по 1 мая 1856 г. у них пало 35 тыс. волов, 12,8 тыс. лошадей и 523 верблюда [Маркевич, 1905. С. 114, 238, 251]. Огромный спрос на перевозочные средства и мясные продукты привел к уменьшению поголовья скота в губернии с 3 451,2 тыс. до 2 455,7 тыс. голов; в том числе лошадей – с 141 тыс. до 117,3 тыс. голов, рогатого скота – с 570,1 тыс. до 380,1 тыс. голов, простых и тонкорунных овец – с 2 946,4 тыс. до 1 816,9 тыс. голов. В войну прекратилось недавно начавшееся металлургическое производство в Керчи, в руках противника оказались многие соляные предприятия казны, из-за разорения плантаций пришло в упадок табаководство [там же. С. 90, 171, 174, 175]. Значительный ущерб понесло виноделие. Многие виноградники были вырублены или остались необработанными. Если в 1852 г. в Крыму производство вина составляло 607,8 тыс. ведер, то в 1856 г. – 278,2 тыс. ведер, в 1857 г. – 149,8 тыс. ведер. Довоенный уровень виноделия был достигнут только во второй половине 1860-х гг. [Баллас, 1895. С. 31, 32, 35].

В войну повсеместно наблюдался рост дороговизны, что приводило к заметному снижению жизненного уровня населения. Средняя цена на рожь с 1 января 1855 г. по 1 января 1856 г. увеличилась с 3,63 до 5,76 руб., на пшеницу – с 5,58 до 8,88 руб., на овес – с 2,52 до 4,42 руб. [Извлечение..., 1856. С. 104]. Даже в губерниях, удаленных от театра военных действий, цены на основные продукты питания увеличились в 1,5–2 раза, а в западных и южных – в 2–3 раза. Например, с осени 1854 г. до первых месяцев 1856 г. цены на четверть ржи в Харьковской губернии возросли с 2,28 до 5,60 руб., в Полтавской – с 2,33 до 6,92 руб., в Киевской – с 2,78 до 8 руб., в Подольской – с 3,38 до 6,25 руб., в Херсонской – с 2,28 до 7 руб., в Екатеринославской – с 2,20 до 8,10 руб. Невероятный взлет цен пережила Таврическая губерния. С середины июня 1854 г. до середины января 1856 г. цены на четверть ржи увеличились с 2,25 до 11 руб., на куль ржаной муки – с 3,70 до 12 руб., на четверть пшеницы – с 5 до 26 руб., на четверть гречневой крупы – с 6,25 до 19,20 руб., на куль овса – с 3,18 до 12 руб., на пуд сена – с 28 коп. до 1,50 руб. [Затлер, 1860. С. 299–304]. Правительство пыталось оказывать сельскому населению посильную помощь. В 1855 г. из центральных и запасных продовольственных магазинов крестьянам было отпущено более 1,5 млн четвертей зерна (на 4,5 млн руб.), а также выданы денежные пособия на общую сумму свыше 1 млн руб. [Еще раз о развитии..., 1857. С. 193]. Однако эти сравнительно скромные затраты не могли сколько-нибудь серьезно улучшить положение крестьянства.

Совокупность всех убытков народного хозяйства в Крымскую войну может быть определена только путем сложения прямых ассигнований на армию и флот, внебюджетных затрат общества на содержание военнотружеников, средств, выделяемых на развитие стратегических отраслей промышленности и транспорта, потерь от привлечения населения на военную службу, ущерба, которые понесли местности, находящиеся в районах боевых действий или в непосредственной близости к ним, и др. [Ланин, 1991. С. 154]. Однако точное определение общей суммы затруднено из-за отсутствия соответствующей статистики. Поэтому под «военными издержками» обычно понимаются бюджетные расходы государства, представляющие собой лишь часть всех затрат [Боголепов, 1910. С. 90; 1914. С. 4]. Но и эти расходы были чрезвычайно велики. Борьба с коалицией потребовала

крайнего напряжения государственных финансов. Военные расходы России и без того в первой половине XIX в. непрерывно увеличивались и в среднем составляли треть бюджетных ассигнований. В этом отношении империя уступала только Великобритании. Рост затрат был связан с ростом численности армии, повышением жалованья военнослужащим и пенсий отставникам, возрастанием цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию и, соответственно, на оружие, боеприпасы, провиант, фураж, предметы обмундирования [Лавин, 1991. С. 149, 150, 151]. Подсчет бюджетных расходов на ведение Крымской войны следует осуществлять за 1852–1857 гг., так как в 1852 г. началась подготовка к столкновению с Турцией, а в 1857 г. продолжалось погашение военных затрат. Данные государственного бюджета свидетельствуют о стремительном возрастании ассигнований по статьям Военного и Морского министерств: если в 1852 г. они составляли 100,5 млн руб., то в 1853 г. – 124,2 млн руб., в 1854 г. – 199 млн руб., в 1855 г. – 270,1 млн руб., в 1856 г. – 259,9 млн руб., в 1857 г. – 122,3 млн руб., а в целом за этот период – 1 076 млн руб. [Статистический временник..., 1886. С. 41].

Исходя из этих данных, французский экономист П. Леруа-Болье определил сумму военных расходов России в 4 млрд франков (около 1 млрд руб.). По его подсчетам, общие издержки союзников (Великобритании, Франции, Сардинии и Турции) были даже чуть меньшими – 3 968 млн франков [Leroy-Beaulieu, 1869. P. 116, 119]. На эти цифры ссылались российские экономисты И.С. Блюх и М.И. Боголепов [Блюх, 1898. С. 320; Боголепов, 1910. С. 189, 1914. С. 5]. Однако И.И. Кауфман признал сам принцип подобного подсчета затрат России неправильным, а сумму в 1 млрд руб. явно завышенной. Он утверждал, что речь должна идти именно об ассигнованиях на ведение войны, а не о сумме бюджетных расходов Военного и Морского министерств. И. И. Кауфман предложил свой вариант – 528,2 млн руб. С ним согласился П.П. Мигулин [Кауфман, 1885. С. 575; Мигулин, 1899. С. 195]. Действительно, если сопоставить расходы обоих ведомств за 1852–1857 гг. (1 076 млн руб.) и за предшествующее мирное шестилетие 1846–1851 гг. (636,3 млн руб.), то окажется, что И.И. Кауфман ближе к истине. Однако современный английский исследователь П. Кеннеди также руководствуется сведениями бюджетной росписи и определяет сумму военных затрат России за 1852–1856 гг. в 144,5 млн фунтов (903,1 млн руб.). При этом общие расходы союзников он считает гораздо большими – 324,1 млн фунтов. На Великобританию приходится 164,3 млн фунтов, Францию – 145,1 млн фунтов, Турцию за 1852 и 1855 гг. – 5,8 млн фунтов (сведения за 1853, 1854 и 1856 гг. у П. Кеннеди отсутствуют), Сардинию – 8,9 млн фунтов [Kennedy, 1989. P. 176].

Результатом огромных военных затрат стал дефицит бюджета за 1852–1857 гг. в размере 772,5 млн руб., что в три с половиной раза превышало тогдашнюю сумму государственных доходов. Дефициты были для российских финансов хроническим явлением, но обычно они исчислялись достаточно умеренными суммами. В 1852 г. превышение расходов над доходами составило 32 млн руб., в 1853 г. – уже 51,2 млн руб., в 1854 г. – 123,2 млн руб., в 1855 г. – 261,9 млн руб., в 1856 г. – 265,8 млн руб., а в 1857 г. снизилось до 38,5 млн руб. [Статистический временник..., 1886. С. 44]. Проблема покрытия дефицитов встала перед Министерством финансов, которое в 1852–1858 гг. возглавлял П.Ф. Брок. По уровню компетентности и способностям он явно не подходил для роли руководителя экономической политики и к тому же не пользовался популярностью в обществе и бюрократических кругах [Скальковский, 1890. С. 466–476]. Однако министр пытался сделать все возможное для преодоления финансового кризиса. П.Ф. Брок настаивал на введении режима строжайшей бюджетной экономии. Указом от 8 февраля 1856 г. руководителям ведомств было запрещено в текущем году ходатайствовать о сверхсметных ассигнованиях, за исключением тех, которые предназначались на неотложные военные нужды. Указ от 1 июня 1857 г. подтвердил этот запрет уже применительно к мирному времени, а также обязал министров и главноуправляющих ограничиваться лишь самыми необходимыми расходами [ПСЗ-II, 1857.

№30150; ПСЗ-II, 1858. № 31898]. Но незначительное сокращение расходной части бюджета в результате принятия этих актов никак не повлияло на состояние казны.

Основная задача Министерства финансов заключалась в поиске дополнительных источников государственных доходов. Правительство не имело возможности повысить старые и ввести новые налоги. В войну произошло падение платежеспособности населения и сокращение налоговых поступлений. Доходы казны от взимания прямых податей уменьшились с 18,5 млн руб. в 1852 г. до 14,9 млн руб. в 1855 г., оброчной подати государственных крестьян за те же годы – с 31,6 млн до 28,4 млн руб. Поступление промыслового налога осталось на прежнем уровне (около 4 млн руб. в год). В 1852–1855 гг. не изменился размер поступления питейного сбора, который был одной из основных доходных статей бюджета (в среднем 80 млн руб. в год). Вместе с тем несколько увеличились государственные доходы от взимания соляного сбора, акцизов на табак и сахар. Гербовые сборы возросли с 13,3 млн до 17,2 млн руб. [Статистический временник..., 1886. С. 36, 37]. Недоимки по всем налогам в 1853 г. составили 130,4 млн руб., в 1854 г. – 135,4 млн руб., а в 1855 г. достигли 140 млн руб. (из них 56,5 млн руб. по подушной и оброчной податям). Министерство финансов даже попыталось в некоторых местностях перейти к их взиманию натурой для снабжения армии продовольствием и фуражом. На основании высочайшего повеления 27 февраля 1854 г. в Подольской и Волынской губерниях в счет уплаты недоимок с жителей было собрано 177 тыс. четвертей муки и 112 тыс. четвертей овса [Блюх, 1882. С. 10, 17, 30]. 9 марта 1854 г. последовал указ о взимании в Екатеринославской губернии недоимок продуктами [ПСЗ-II, 1855. № 27997]. Однако подобная практика не получила сколько-нибудь широкого распространения из-за отсутствия у населения излишков продовольствия. Всего за 1853–1855 гг. за счет сбора недоимок было заготовлено 129,1 тыс. четвертей муки, 1,7 тыс. четвертей крупы и 506 четвертей овса [Исторический очерк..., 1879. С. 97]. Манифест 27 марта 1855 г. объявил о сложении части недоимок на общую сумму 22,9 млн руб. [ПСЗ-II, 1856. № 29165]. В следующем году недоимки сократились до 115,6 млн руб. (из них 35,9 млн руб. по подушной и оброчной податям) [Блюх, 1882. С. 30, 31].

Заключение внешних займов на европейском денежном рынке стало проблематичным из-за враждебной позиции Великобритании и Франции, а также неудачного для России хода боевых действий. Не могли дать большого эффекта и внутренние займы, поскольку крепостническая Россия всегда была бедна капиталами. Главным способом преодоления безденежья стал выпуск необеспеченных золотом и серебром кредитных билетов. Это была обычная практика оплаты военных расходов не только в России, но и в других странах. М. И. Боголепов назвал бумажные деньги «финансовым порошком войны» [Боголепов, 1914. С. 29]. В результате денежной реформы министра финансов Е. Ф. Канкрин (1839–1843 гг.) в России утвердилась система серебряного монометаллизма: серебряная монета стала главным платежным средством; монетной единицей – серебряный рубль; золотая монета осталась вспомогательным денежным знаком; ассигнации заменялись кредитными билетами, которые обеспечивались активом государственных кредитных учреждений и свободно обменивались по твердому курсу на серебро и золото из разменного фонда при Экспедиции государственных кредитных билетов, который должен был составлять $\frac{1}{6}$ от суммы выпускаемых бумажных денег. Уязвимость кредитного рубля заключалась в том, что он обеспечивался только запасами драгоценных металлов и не поддерживался другими высоколиквидными активами. Истощение металлического разменного фонда неизбежно вызывало в денежном обращении инфляционные процессы.

Поэтому правительство опасалось нарушить установленное равновесие и долго не решалось на дополнительную эмиссию, но у него не оставалось другого выхода. 10 января 1855 г. по ходатайству министра финансов император подписал указ, в котором повелевалось выпуск кредитных билетов производить лишь в случае необходимости и всякий раз вносить из средств казны в разменный фонд $\frac{1}{6}$ часть выпускаемой суммы. В этом акте

провозглашалось обещание приступить к постепенному изъятию «избыточных» бумажных денег через три года после подписания мира [ПСЗ-II, 1856. №28908]. Число кредитных билетов в обращении возросло с 303,8 млн руб. (на 1 января 1852 г.) до 735,3 млн руб. (на 1 января 1858 г.), т. е. на 431,5 млн руб. Из этой суммы на покрытие дефицита было израсходовано 403,1 млн руб. Остальные 28,4 млн руб. пошли на другие цели. Увеличение более чем в два раза денежной массы привело к резкому уменьшению процентного отношения разменного фонда к количеству кредитных билетов: с 39,8 до 19,2%. Правительство делало все возможное, чтобы предотвратить сокращение фонда и поддержать курс рубля. Востребование населением звонкой монеты усилилось с самого начала военных действий. Поэтому уже 24 февраля 1854 г. П. Ф. Брок дал распоряжение Экспедиции кредитных билетов отпускать в одни руки золотом не более чем на 25% обмениваемой суммы и при этом не свыше 10 тыс. руб. или 2 000 полуимпериалов, а 11 марта того же года – без особого разрешения обменивать одному частному лицу на звонкую монету не более 25 тыс. руб. [Кашкаров, 1898. С. 72, 180]. Указом 27 февраля 1854 г. был запрещен вывоз золота за границу [ПСЗ-II, 1855. № 27965].

Для обеспечения размена финансовое ведомство направило в пограничные губернии большое количество золотой, серебряной и медной монеты, а также кредитных билетов мелкого достоинства. 26 декабря 1855 г. Александр II утвердил решение Комитета финансов о необходимости жестких ограничений размена на золото при одновременном увеличении размена на серебро на условиях, установленных прежними распоряжениями министра финансов [Кашкаров, 1898. С. 180, 181]. С целью не допустить развития спекуляций 1 февраля 1856 г. последовало высочайшее повеление министрам, главноуправляющим и губернаторам о ведении строгого надзора за действиями казначеев, откупщиков и других сборщиков налогов с тем, чтобы они вносили в казну собранные ими суммы той же монетой, которую получили от населения [ПСЗ-II, 1857. №30119]. В годы войны эти меры дали положительные результаты. Сумма разменного фонда почти не изменилась и составляла на 1 января 1852 г. 139,4 млн руб., а на 1 января 1858 г. – 141,5 млн руб. [Кашкаров, 1898. С. 72]. Во многом благодаря сохранности фонда курс кредитного рубля сохранял относительную устойчивость. Положительное влияние на его стабильность оказали также приток вкладов в казенные банки, вызванный увеличением количества денежных знаков. В 1853 г. среднегодовой курс по отношению к серебряному номиналу составлял 100,40 коп., в 1854 г. – 94,26 коп., в 1855 г. – 93,44 коп. В 1856 г. в связи с окончанием войны он повысился до 98,26 коп. [Статистический временник..., 1886. С. 47, 48].

Правительство рассчитывало после заключения мира упорядочить денежное обращение. В «верхах» долгое время считали эту цель вполне достижимой. 12 апреля 1857 г. по инициативе П. Ф. Брока был издан указ об отмене запрещения на вывоз золота за границу [ПСЗ-II, 1858. №31721]. 21 апреля министр финансов сообщил Экспедиции кредитных билетов, что по его всеподданнейшему докладу император повелел отменить все ограничения на обмен кредитных билетов. Мгновенно началось массовое востребование звонкой монеты. За две недели экспедиция выдала золота более чем на 3 млн руб. Осознав свою ошибку, министр финансов уже 5 мая приказал выдавать не более 15 тыс. полуимпериалов в день и не свыше 500 полуимпериалов в одни руки. Кроме того, последовало распоряжение П. Ф. Брока о размене кредитных билетов почти исключительно на серебряную монету. 12 ноября 1857 г. Комитет финансов одобрил принятые меры и тем самым восстановил порядок размена, существовавший в годы войны. 22 ноября 1857 г. это постановление утвердил император [Кашкаров, 1898. С. 181, 182]. С лета 1857 г. под влиянием ухудшения конъюнктуры в промышленности и торговле, а также мирового экономического кризиса, началось падение курса рубля, сопровождавшееся постоянными колебаниями. Среднегодовой курс в этом году составил 95,95 коп., в 1858 г. – 93,30 коп., в 1859 г. – 91,13 коп. [Статистический временник..., 1886. С. 48]. Для его поддержания Министерство

предприняло дорогостоящие казенные трассировки – операции по продаже на петербургской бирже за кредитные билеты тратт (иностранных переводных векселей), которые приходилось оплачивать из разменного фонда. Следствием инфляции стало исчезновение из обращения звонкой монеты. Часть золота ушла за границу, а часть превратилась в объект организованной и крупномасштабной спекуляции. Возникли централизованные торговые предприятия с миллионными оборотами, занимавшиеся скупкой и продажей драгоценных металлов [Безобразов, 1863. С. 21–24]. Если в 1856 г. из России было вывезено золота на 5,7 млн руб., то в 1857 г. – 22,2 млн руб., в 1858 г. – 29,3 млн руб., в 1859 г. – 28,2 млн руб. [Покровский, 1902. С. 328].

В мае 1858 г. новый министр финансов А.М. Княжевич (1858–1862 гг.) обратился в Комитет финансов с предложением восстановить свободный обмен кредитных билетов на звонкую монету, что, по его мнению, могло бы способствовать повышению курса рубля. Однако Комитет отклонил инициативу министра как преждевременную и не соответствующую реальной ситуации в экономике. Одобрение этого решения Александром II 16 мая 1858 г. стало актом, окончательно приостановившим свободный обмен для широких слоев населения [Кашкаров, 1898. С. 182, 183]. Звонкая монета продолжала отпускаться государственным учреждениям и частным лицам в ограниченном количестве. Возглавив финансовое ведомство, А.М. Княжевич взялся за выполнение высочайшего обещания извлечь из обращения «излишние» бумажные деньги. Указ 18 апреля 1858 г. повелевал уничтожить первую партию кредитных билетов на сумму 60 млн руб. [ПСЗ-II, 1860. №33008]. Всего к 1 января 1859 г. число билетов уменьшилось на 90,6 млн руб. и составило 644,6 млн руб. Однако вскоре правительство отказалось от своих намерений. В 1859–1861 гг. билетов было выпущено на сумму 68,9 млн руб., и их количество возросло до 713 млн руб. Одновременно министр финансов продолжил трассировки. В 1858–1861 гг. расходы на эту операцию достигли 81,5 млн руб. Но трассировки давали лишь временный эффект. Вместе с тем они привели к тому, что разменный фонд за эти годы сократился до 97,3 млн руб., а его процентное отношение к количеству бумажных денег – до 11,2%.

В послевоенные годы отсутствовали экономические условия для стабилизации рубля. Последняя попытка восстановить обмен, предпринятая в апреле 1862 г. – ноябре 1863 г. министром финансов М.Х. Рейтерном, закончилась провалом. Казна понесла огромные убытки, для покрытия которых вновь пришлось прибегнуть к выпускам кредитных билетов [Кашкаров, 1898. С. 72, 184–188; Мигулин, 1899. С. 288]. Оценивая результаты эмиссии в годы войны, А.М. Княжевич во всеподданнейшем докладе от 26 ноября 1860 г. писал: «Неизбежным последствием огромного выпуска бумажных денег было падение ценности кредитного рубля, проявившееся в повсеместно возрастающей дороговизне на все вообще предметы, которая гнетет торговлю, останавливает развитие промышленности, потрясает хозяйственное положение всех классов народа и увеличивает расходы казны во всех ее операциях, тогда как источники государственных доходов, по вышеизложенным обстоятельствам, приходят в истощение» [Судьбы России..., 1999. С. 73]. Расстройство денежного обращения, затянувшееся на несколько десятилетий, тяжело сказывалось на состоянии народного хозяйства. Национальная валюта оказалась изолированной от иностранных денежных рынков. Это подрывало престиж российских финансов за рубежом и международный кредит страны, затрудняло привлечение иностранных капиталов. Внутри страны бумажно-денежное обращение было выгодно лишь экспортерам сельскохозяйственной продукции, которые выигрывали на разнице курса рубля внутри России и за границей. Вместе с тем инфляция нанесла удар благосостоянию государственных и частных кредиторов, лиц, получающих казенное жалование, живущих на доходы с ценных бумаг, банковских вкладов, аренды и других контрактных платежей. Еще больший вред, чем падение курса рубля, наносили его непредсказуемые колебания, которые порождали крайнюю неустойчивость товарных цен и в связи с этим – резкие перепады конъюнктуры, отрицательно

отражавшиеся на развитии промышленности. Экономика постоянно терпела огромные убытки при импорте, выплатах казны и частных лиц в золоте за границу, размене российскими путешественниками рублей и др. [Материалы..., 1923. С. 10, 138–139, 140–145]. Период расстройств денежного обращения завершился только после реформы С.Ю. Витте 1895–1897 гг.

В Крымскую войну для сбалансирования бюджета правительство прибегло и к другому традиционному ресурсу – «заимствованиям» из казенных кредитных учреждений. Государственный заемный и Государственный коммерческий банки, петербургская и московская сохранные казны, губернские приказы общественного призрения неограниченно принимали вклады и выплачивали по ним 4% годовых. Выгодные условия для вкладчиков обеспечили государству монополию в области кредита. Почти все накопления денежных капиталов сосредоточились в казенных банках. Эти средства были оторваны от сферы промышленности и торговли. Деньги вкладчиков систематически заимствовались правительством на покрытие бюджетных дефицитов и использовались для предоставления 5%-ных ссуд помещикам под залог населенных имений. В 1852 г. «заимствования» из казенных кредитных учреждений составляли 376,3 млн руб. (265,4 млн руб. из Заемного банка и 110,9 млн руб. из сохранных казен) [Ламанский, 1854. С. 181, 218].

Осуществляя эмиссию кредитных билетов, Министерство финансов рассчитывало не только покрыть дефицит, но и предоставить населению большое количество денежных знаков с целью усиления притока вкладов в казенные кредитные учреждения. Кроме того, указом от 17 декабря 1853 г. Заемному банку и сохранным казнам было разрешено для их потребностей выпустить в обращение оставшуюся наличность запасного капитала в размере 10 млн руб., и образовать новый на сумму 40 млн руб. [ПСЗ-II, 1854. № 27774]. Прилив вкладов в годы войны был настолько велик, что не только позволил удовлетворить всех вкладчиков, востребовавших свои деньги, но и дал возможность казне использовать эти средства для бюджетных расходов. Если в 1852 г. сумма вкладов в банках составляла 773 млн руб., то в 1857 г. – 1 012,9 млн руб. Из них в 1852–1857 гг. правительство «позаимствовало» 228,8 млн руб. Общая сумма долга государства банкам с учетом возврата небольшой части занятой суммы достигла к 1 января 1858 г. 521,4 млн руб. [Мигулин, 1899. С. 198, 201, 202]. В 1852–1856 гг. Министерство финансов использовало также 12,3 млн руб. из средств Комиссии погашения государственных долгов [Статистический временник..., 1886. С. 45].

Несмотря на внешнеполитическую изоляцию России, правительству удалось заключить два внешних займа при посредничестве петербургской банкирской конторы «Штиглиц и К°». А.Л. Штиглиц был широко известен на многих европейских биржах и пользовался большим доверием. Он организовал «мировой банковский синдикат» по выпуску российских внешних займов при участии таких крупнейших банкирских домов, как «Братья Беринг» в Лондоне, «Мендельсон и К°» в Берлине, «Гоппе и К°» в Амстердаме [Лизунов, 2004. С. 108]. Пятый 5%-ный заем был заключен 8 июня 1854 г. на сумму 50 млн руб. серебром, шестой 5%-ный заем – 26 ноября 1855 г. на такую же сумму [ПСЗ-II, 1855. №28328; ПСЗ-II, 1856. № 29860]. Оба займа были успешно реализованы. По первому было получено 44,88 млн руб. (89,76%), по второму – 45,68 млн руб. (91,36%) [Бржеский, 1884. С. 201, 202]. Всего за счет займов для покрытия дефицитов в 1852–1857 гг. казна использовала 92,3 млн руб. [Статистический временник..., 1886. С. 45]. Правительство предприняло также новые выпуски билетов Государственного казначейства (так называемые «серии»), которые были популярны среди населения и удобны для держателей: они приносили доход и в то же время обращались как наличные деньги; их курс не зависел от биржевых колебаний; они принимались в уплату и переходили из рук в руки, как бумаги на предъявителя; проценты по ним уплачивались в Главном казначействе и уездных казначействах, а не только в одной Комиссии погашения долгов, как это было принято по отношению к облигациям госу-

дарственных займов. По указу от 18 января 1854 г. для покрытия военных расходов были выпущены 6 серий (XXVII – XXXII) на общую сумму 18 млн руб. (по 3 млн руб. каждый), по указам от 31 декабря 1855 г. и от 13 января 1856 г. – 4 серии (XXXVII – XL) на 12 млн руб., по указу от 8 февраля 1857 г. две серии (XLIX – L) на 6 млн руб. [ПСЗ-II, 1855. № 27868; ПСЗ-II, 1856. № 30012, 30047; ПСЗ-II, 1858. № 31495].

Таким образом, бюджетный дефицит за 1852–1857 г. в размере 772,5 млн руб. был покрыт за счет выпуска кредитных билетов (403,1 млн руб.) и билетов государственного казначейства (36 млн руб.), «заимствований» из казенных кредитных учреждений (228,8 млн руб.) и Комиссии погашения государственных долгов (12,3 млн руб.), а также выручки от долгосрочных государственных займов (92,3 млн руб.). Общая сумма государственного долга России с 1 января 1852 г. по 1 января 1862 г. возросла с 732,2 млн до 1264,3 млн руб. [Мигулин, 1907. С. 1148]. В войну увеличились выплаты по системе государственной задолженности – с 44,6 млн руб. (1852 г.) до 52,6 млн руб. (1853 г.), 53,6 млн руб. (1854 г.), 65,2 млн руб. (1855 г.) и 66,2 млн руб. (1856 г.). Только после заключения мира они несколько уменьшились до 62,9 млн руб. (1857 г.) и 49,1 млн руб. (1858 г.) [Статистический временник..., 1886. С. 45].

Помимо финансового кризиса, война привела к нарушению торговых связей России с другими странами. Балтийские и черноморские порты были блокированы англо-французским флотом. Это имело тяжелые последствия для народного хозяйства, так как на внешнюю торговлю через европейскую границу в середине XIX в. приходилось до 90% всех экспортно-импортных операций. Западные государства вывозили из России почти исключительно сельскохозяйственные товары, а ввозили сырье для промышленности и мануфактурные изделия. Торговля осуществлялась в основном с помощью морских перевозок, которые отличались дешевизной и обеспечивали прямое сообщение с европейскими странами, не имевшими в то время развитой сети железных дорог. А для товарообмена с Великобританией и Северо-Американскими Соединенными Штатами морской транспорт вообще был единственным способом доставки товаров. С 1853 по 1855 гг. вывоз через порты Балтийского моря сократился с 67,8 млн до 0,6 млн руб., ввоз – с 63,4 млн до 1 млн руб., вывоз через порты Черного и Азовского морей – с 49,4 млн до 3 млн руб., ввоз – с 9,9 млн до 2,6 млн руб. Резкое сокращение сбыта за границу сельскохозяйственной продукции существенно затронуло интересы российского земледелия, а ограничение импорта сырья и колониальных товаров болезненно отозвалось на развитии ряда отраслей промышленности.

В наибольшей степени война нанесла ущерб товарообмену с участниками враждебной коалиции, прежде всего, с основным торговым партнером России – Великобританией, которая в 1851–1852 гг. поглощала 40% российского экспорта в Европу и поставляла в Россию 30% всех заграничных товаров. На Францию приходилось 3–7% экспорта и до 10% импорта, на Турцию – соответственно 7 и 8%. Доля Сардинии в этом товарообмене была незначительной. В 1853 г. заметно расширилась российская торговля с Великобританией и Францией. По сравнению с предыдущим 1852 г. их общая доля в экспорте поднялась с 40 до 59%. Вместе с тем импорт из этих стран увеличился в малой степени. Это объяснялось стремлением западных держав накануне войны максимально смягчить отрицательные последствия свертывания торговли с Россией. После начала открытой конфронтации вывоз в Великобританию упал с 66 млн (1853 г.) до 0,1 млн руб. (1855 г.), ввоз – с 27,9 млн до 0,9 млн руб., вывоз во Францию за те же годы – с 15,2 млн руб. до нулевой отметки, ввоз – с 7,8 млн до 1 млн руб., вывоз в Турцию – с 5,8 млн до 0,4 млн руб., ввоз – с 4,7 млн до 2,1 млн руб. [Нифонтов, 1971. С. 71–77].

Правительство было вынуждено принимать чрезвычайные ответные меры для смягчения ущерба от морской блокады. 10 июля 1854 г. уполномоченные Северо-Американских Соединенных Штатов и России заключили конвенцию о морском нейтралитете. Ее суть

заклучалась в обеспечении доставки в Россию закупленных в САСШ товаров на судах под флагом нейтральных государств. В середине XIX в. заокеанская держава была лишь на седьмом месте среди торговых партнеров России. Вывоз товаров в САСШ составлял не более 3–4% всего российского экспорта, а импорт – менее 2%. Однако Россия проявляла к этой торговле особый интерес, поскольку в 1853 г. из САСШ поступило хлопка-сырца на 3,1 млн руб. (почти четверть всего импорта этого сырья), крайне необходимого для хлопчатобумажной промышленности. САСШ в свою очередь были заинтересованы в закупках российского железа, пеньки и полотняных изделий. Николай I утвердил текст конвенции 17 сентября 1854 г., вскоре после высадки вражеского десанта в Крыму. Ратификация соглашения о морском нейтралитете состоялась в Вашингтоне 31 октября 1854 г. [Пономарев, 1993. С. 98–107, 114, 115]. Указ о конвенции был утвержден императором 17 января следующего года [ПСЗ-II, 1856. № 28953].

Кроме того, после разрыва отношений с Великобританией и Францией нельзя было допускать снабжение этих стран российским хлебом и промышленным сырьем. Указом от 12 февраля 1854 г. вывоз хлеба из всех черноморских и азовских портов был запрещен до 1 сентября 1854 г. Указ от 7 сентября 1854 г. объявил о продлении действия закона до нового «повеления». 16 ноября 1855 г. запрет был распространен на все западные границы. Допускалось исключение только для вывоза пшеницы через таможенные пункты Царства польского. 23 декабря 1855 г. последовал запрет на экспорт мяса по западной границе [ПСЗ-II, 1855. № 27934, 28530; ПСЗ-II, 1856. № 29819, 29979]. Кроме того, правительство рядом распоряжений запретило вывоз товаров, необходимых для снабжения армии: рогатого скота, лошадей, свиней, овец, шкур, простого сукна, грубого полотна, канатов, веревок, сена, хлебного спирта, вина и др. В условиях морской блокады особое значение приобрел товарообмен по западной сухопутной границе с формально нейтральными Пруссией и Австрией, который в мирное время играл второстепенную роль. 1 апреля 1854 г. были понижены пошлины на ввоз кофе и деревянного масла, 9 апреля – на сахар-сырец; 18 июня установлены льготы для прохождения иностранных товаров через таможенный досмотр; 23 июня уменьшены пошлины по 28 статьям импорта сырья и полуфабрикатов и по 79 статьям промышленных изделий [ПСЗ-II, 1855. № 28116, 28146, 28349, 28362]. Удельный вес торговых операций в российском экспорте по западной сухопутной границе возрос в 1854 г. до 50%, в 1855 г. – до 86%.

К началу 1850-х гг. Пруссия была вторым по значимости торговым партнером империи. Ее доля в европейской торговле России в экспорте достигала 10%, а в импорте – 16%. В войну партнерская роль Пруссии заметно возросла. Вывоз в эту страну в 1853 г. составил 13,5 млн руб., в 1854 г. – 18,7 млн руб. и в 1855 г. – 18,1 млн руб., а в Австрию за те же годы соответственно 7,6 млн, 8,4 млн и 6,4 млн руб. Пруссия в наибольшей степени использовала принятое английским правительством решение ввозить российские товары на нейтральных судах. Рост прусского экспорта на британский рынок с 1853 по 1854 г. составил: сала – с 54 до 253 955 ц, конопли – с 3 447 до 366 220 ц, льна – с 242 383 до 667 879 ц, льняного семени – с 57 848 до 116 267 ц. Подобную транзитную функцию, правда, в гораздо меньшем объеме, выполняла и Австрия. Это свидетельствовало о тесной зависимости экономики Великобритании от импорта российского сырья. Не случайно при заключении мира на Парижском конгрессе английский представитель настаивал на возобновлении прежних англо-русских торговых отношений [Нифонтов, 1971. С. 72, 73, 79, 85]. Однако вывоз через западные сухопутные таможни лишь отчасти компенсировал потери страны в результате морской блокады. В целом, если в 1853 г. российский экспорт по европейской границе достигал 137,4 млн руб., то в 1854 г. он упал до 53,5 млн руб., а в 1855 г. – до 27,5 млн руб. Большею устойчивостью обладал вывоз сала, шерсти и леса. Резко снизился экспорт таких более громоздких и менее ценных грузов, как лен, льняное семя, пенька и щетина. Особенно пострадал вывоз хлеба (пшеницы, ржи, ячменя и овса), который в 1853–1855 г.

уменьшился с 10 438 тыс. до 625 тыс. четвертей (в том числе пшеницы – с 7 218 тыс. до 337 тыс. четвертей) [Покровский, 1902. С. 72, 74, 86]. Между тем в восточной части страны за время блокады накопилось огромное количество экспортных товаров. По приблизительным подсчетам, в эти годы по Европейской России не было реализовано более 25% среднегодового урожая льна, свыше 50% пеньки, до 60% ежегодных заготовок сала и др.

Ввоз за эти годы был намного стабильнее благодаря расширению торговли через европейскую сухопутную границу. Повышенная ценность импортных изделий и колониального сырья допускала значительные затраты по их транспортировке гужевым транспортом. Пруссия и Австрия обеспечивали снабжение России заграничными товарами. Особенно впечатляющим был рост прусского ввоза – 15,4 млн руб. (1853 г.), 20,1 млн руб. (1854 г.) и 42,9 млн руб. (1855 г.). В годы морской блокады эта страна стала почти монополистом по доставке в Россию таких видов сырья, полуфабрикатов и изделий, как хлопок, сахар-сырец, красители, шерсть и шелк, деревянное масло, шелковые ткани, машины и механизмы. Масштаб австрийского экспорта в 1853–1855 гг. выглядел гораздо скромнее – 5,9 млн, 4,9 млн и 7,2 млн руб. [Нифонтов, 1971. С. 73, 88]. Несмотря на активное посредничество нейтральных стран, в целом импорт через западную границу сократился с 89,2 (1853 г.) до 54,4 млн руб. (1854 г.) и 56,2 млн руб. (1855 г.). Ввоз в Россию таких товаров, как сахар-сырец, кофе, деревянное масло и соль, уменьшился сравнительно немного, а иногда и удерживался на уровне 1853 г. В гораздо большей степени снизился импорт машин и механизмов, некоторых красителей (индиго, крапа и др.). Особенно чувствительной для российской промышленности стала острая нехватка хлопка. Его ввоз через западную границу упал с 1 814 тыс. пудов (1853 г.) до 1 454 тыс. пудов (1854 г.) и 1 324 тыс. пудов (1855 г.) [Покровский, 1902. Таблицы. С. 87–102]. Основную роль в поставках хлопка стала играть Пруссия. Если в 1853 г. она экспортировала в Россию 75 тыс. пудов, то в 1854 г. – 816 тыс. пудов, а в 1855 г. – 1 265 тыс. пудов [Нифонтов, 1971. С. 89]. Преодолеть хотя бы отчасти хлопковый голод помог ввоз хлопка из Средней Азии, который за 1853–1855 гг. возрос почти в два раза – с 120 тыс. до 224 тыс. пудов. Однако в целом доля азиатской торговли в российском импорте в войну составляла не более 22–23% (вместо 16% в довоенные годы). Это не могло возместить упадка товарооборота на европейской границе. К тому же российский экспорт в Азию также несколько снизился – с 12,4 млн руб. (1852 г.) до 8 млн руб. (1853 г.), 9,9 млн руб. (1854 г.), 10,3 млн руб. (1855 г.) и 10,6 млн руб. (1856 г.). Импорт оставался достаточно стабильным и немного уменьшился только в 1853 г. Тем не менее в войну заметно возрос интерес коммерческих кругов к Средней Азии и как к рынку сбыта, и как к источнику поступления промышленного сырья.

Если в 1853 г. вывоз России по всем границам превышал ввоз на 45,4 млн руб., то в войну торговый баланс сводился с пассивным сальдо в размере 5 млн руб. (1854 г.) и 33,2 млн руб. (1855 г.). Таможенный доход упал с 28 млн руб. в 1853 г. до 20,2 млн руб. в 1854 г. и 17,9 млн руб. в 1855 г. [Покровский, 1902. Таблицы. С. 117, 141, 181, 184, 211]. Все ограничения российского экспорта были отменены высочайшим повелением от 23 марта 1856 г. (оформлено указами 2 и 5 апреля 1856 г.) [ПСЗ-II, 1857. № 30332, 30343]. Это сразу же вызвало резкое расширение товарообмена, который к концу года превысил довоенный объем. Вывоз по европейской границе достиг 146,8 млн руб. На западные рынки было отправлено 7,4 млн четвертей зерновых, в том числе 4,2 млн четвертей пшеницы [там же. С. 72, 74, 86]. Однако внешний спрос на российский хлеб в том году полностью удовлетворить не удалось. Для вывоза были использованы ограниченные запасы хлеба и сырья из западных губерний, испытавших наибольшие тяготы войны. Ведущее положение в российском экспорте вновь заняла Великобритания, куда в этом году было вывезено 44% всех товаров, отправленных через европейскую границу [Семенов, 1975. С. 153, 154]. Вместе с тем Пруссия во многом сохранила прежние позиции в торговле с Россией. Правда, в мае 1856 г. Министерство финансов ходатайствовало об отмене льготных пошлин для импорта

по сухопутной европейской границе. Но Государственный совет признал подобное предложение несвоевременным и принял решение сохранить временные льготы до издания нового таможенного тарифа (принят в 1857 г.). 4 июня 1856 г. император одобрил это постановление [ПСЗ-II, 1857. № 30546]. В 1856 г. активное сальдо торгового баланса составило 37,7 млн руб., и в последующие несколько лет Россия также имела небольшое, но устойчивое внешнеторговое преимущество. Таможенный доход возрос до 29,6 млн руб. (1856 г.) и 35,8 млн руб. (1857 г.) [Покровский, 1902. Таблицы. С. 117, 141, 211].

Крымская кампания потребовала мобилизации всех мощностей казенной военной промышленности, которая тем не менее не справлялась со снабжением армии. В осажденном Севастополе остро не хватало вооружения и боеприпасов. Запасы пороха в стране в 1853 г. составляли 370 тыс. пудов вместо положенных 457 тыс. В этом году пороховые Охтенский, Шостенский и Казанский заводы изготовили только 86,5 тыс. пудов. Война заставила их перейти на круглосуточный цикл и увеличить выпуск пороха до 158 тыс. пудов в 1854 г., 309,4 тыс. пудов в 1855 г. и 159,8 тыс. пудов в 1856 г. Однако из-за нехватки серы и селитры заводы так и не смогли обеспечить нужное количество пороха. Между тем только при обороне Севастополя было израсходовано 250 тыс. пудов. Кроме того, ускорение производственного процесса отрицательно повлияло на качество продукции. В 1854 г. по распоряжению Военного министерства за границей было закуплено 44,7 тыс. пудов, а в 1855 г. – 49,7 тыс. [Затлер, 1877. С. 316, 317]. Не лучше обстояло дело с поставками снарядов. Луганский литейный завод, который снабжал боеприпасами Севастополь, перешел на круглосуточный график работы, были возвращены все ранее уволенные рабочие, увеличена сдельная плата. Если в мирное время ежедневная норма предприятия составляла 80 пудов снарядов, то к концу 1854 г. она достигла 600 пудов. Всего в 1854 г. завод выдал 64,5 тыс. пудов, а в 1855 г. – 294,8 тыс. пудов снарядов. Однако и этого количества не хватало. Артиллерийская экспедиция Черноморского флота требовала увеличить производство до 2 тыс. пудов в сутки [Азанчеев, 1900. С. 11, 13; Дружинина, 1981. С. 203, 204].

В войну отчетливо проявилась отсталость уральских казенных предприятий, работавших на изношенном оборудовании и применявших крепостной труд. С 1834 по 1852 гг. на этих заводах были отлиты 1 542 орудия, т. е. менее половины требовавшихся по правительственным нарядам. Годовые заказы на производство снарядов выполнялись лишь на 23–35% при браке 60–80%. К началу войны в крепостной артиллерии не доставало 1 586 орудий и почти 1 млн снарядов [Исторический очерк..., 1879. С. 199; Ляпин, 1982. С. 103, 104]. В 1854 г. уральские заводы произвели 68,2 тыс. пудов орудий и снарядов, в 1855 г. – 431,6 тыс. В 1853–1855 гг. были отлиты 460 чугунных крепостных и береговых пушек, из них 363 орудия малого калибра и только 97 орудий большого калибра, в которых так нуждался севастопольский гарнизон. Однако изготовленные пушки поступали на театр военных действий с большим опозданием. Орудия, отправленные в 1855 г., были доставлены в Крым только после заключения перемирия. Между тем за время осады Севастополя пришли в негодность 900 пушек [Скиндер, 1893. С. 261; Азанчеев, 1900. С. 14, 15]. Производство медных полевых и осадных орудий было в основном сосредоточено в мастерских петербургского и брянского артиллерийских арсеналов. В киевском, грузинском, кавказском и новороссийском арсеналах занимались главным образом ремонтно-восстановительными работами. Всего в арсеналах в 1853–1856 гг. были отлиты 768 и отремонтированы 705 пушек. В армии был налицо и некомплект стрелкового оружия, который к началу 1853 г. составлял 686 501 ед. В войну он отчасти восполнялся починкой кремневых ружей и их переделкой в ударные. В 1853–1856 гг. на казенных Тульском, Сестрорецком и Ижевском заводах было починено 64 827 ружей и пистолетов, в арсеналах – 241 057 и переделано 146 560 ружей. На вооружении армии состояло в основном гладкоствольное оружие. Нарезных ружей (штуцеров) было мало (в 1854 г. – всего 24 ед. на батальон), и к началу войны они уже устарели. В 1853–1856 г. заводы произвели 153 499 гладкоствольных ружей и 15 657 пистолетов,

а нарезного оружия – 172 758 ед. (в основном в 1855 и 1856 гг.), но оно стало поступать в армию лишь в конце войны [Исторический очерк..., 1879. С. 215, Приложение № 28, 30].

Перед Морским министерством стояла задача ускорения сооружения новых кораблей, чтобы хотя бы отчасти компенсировать подавляющее военно-морское превосходство противника. Война приостановила строительство деревянных винтовых судов, так как английское правительство конфисковало заказанные Россией судовые машины. Поэтому министерство разместило заказы на частных российских заводах Д. Берда и Л. Э. Нобеля. В войну началась постройка винтовых кораблей «Илья Муромец», «Громобой» и «Ретвизан», парусники «Гангут» и «Вола» были переделаны в винтовые. С 1855 г. в Петербурге сооружались 14 корветов, а в Архангельске – 6 клиперов. Но почти все эти суда были спущены на воду уже после войны. Для защиты балтийского побережья от угрозы английского флота правительство приняло программу строительства винтовых канонерских лодок. Из запланированных 75 судов в 1855 г. были готовы 40, остальные вступили в строй после подписания мира [Мордовин, 1881. С. 102–106; Бескровный, 1973. С. 496–498].

При подготовке к кампании Военное министерство должным образом не позаботилось об организации снабжения армии провиантом. На дунайском и кавказском театрах со времен русско-турецкой войны 1828–1829 гг. сохранилась сеть прежних продовольственных магазинов, которая могла обеспечить питание войск только в мирное время. Начало боевых действий в Крыму застало командование врасплох, поскольку в спешном порядке созданная на полуострове 300-тысячная группировка не располагала ни собственными интендантскими органами, ни какими-либо существенными запасами. Она была сконцентрирована на небольшом пространстве, отделена от южных хлебобордных губерний несколькими сотнями верст степного пространства и связана с ними только плохими грунтовыми дорогами, которые во время весенней и осенней распутицы были почти непроходимы. Из-за полного отсутствия армейских перевозочных средств доставка продовольствия осуществлялась вольнонаемным транспортом, который не справлялся с большим объемом грузов. Потребности войск в провианте удовлетворялись только на 60–70%, что обрекало их на фактическое голодание. Острый недостаток фуража вызывал падеж лошадей и волов. Нехватка достаточного количества топлива приводила к массовым случаям обморожения военнослужащих. Не лучше обстояло дело и с вещевым довольствием: заготовленную на складах центральной России продукцию казенных фабрик из-за транспортных проблем было крайне сложно доставлять в места дислокации воинских частей. Со временем обмундирование на солдатах превращалось в лохмотья, и они были вынуждены снимать еще пригодную для использования одежду со своих убитых товарищей. В итоге из-за провалов в интендантском снабжении армия несла огромные потери в личном составе [Вещиков, 1997. С. 65–74; Янбердин, 2006. С. 67–75; Гаврилов, 2010. С. 247–249, 308–313].

Если казенная промышленность при всем напряжении своих производственных возможностей обнаруживала признаки застоя, то в частном секторе сложилась иная ситуация. Период 1851–1853 гг. характеризовался благоприятной хозяйственной конъюнктурой и развитием торгово-промышленной деятельности. Об этом свидетельствуют рост общей численности наемных рабочих, увеличение импорта хлопка, расширение хлебного экспорта, устойчивость оборотов Нижегородской ярмарки. С началом войны обозначилась некоторая «заминка» в коммерческих делах, вызванная недостаточными урожаями зерновых и значительным сокращением внешней торговли. Если в 1853 г. возникли 7 акционерных компаний с капиталом 9,6 млн руб., то в 1854 г. – только 3, с капиталом 3,4 млн руб. За два первых военных года число рабочих на предприятиях снизилось с 481 тыс. до 459,6 тыс. чел., привоз товаров на нижегородскую ярмарку – с 63,5 млн до 59,2 млн руб., объем продукции бумаготкацкой промышленности – с 15,9 млн до 11,9 млн руб., кожевенной – с 10 млн до 9,1 млн руб., выплавка чугуна – с 14,5 млн до 14,2 млн пудов. Падение производства в некоторых отраслях было более продолжительным. В 1853–1855 гг. выпуск

продукции бумагопрядильной промышленности сократился с 17,3 млн до 15,2 млн руб., ситценабивной – с 16,8 млн до 12,1 млн руб., шелковой – с 5,5 млн до 4,9 млн руб., производство сахарного песка снизилось с 1 190 тыс. до 948,6 тыс. пудов, потребление хлопка – с 1,9 млн до 1,5 млн пудов. Прекратилось начавшееся в 1851 г. строительство железной дороги С.-Петербург–Варшава. Вместе с тем в начале войны по-прежнему наблюдался рост производства в полотняной, льняной, суконной, камвольной и металлообрабатывающей промышленности, а также добычи золота и донецкого угля [Безобразов, 1882. С. 132; Туган-Барановский, 1900. С. 77; Хромов, 1950. С. 438; Яковлев, 1955. С. 64; Шепелев, 1973. С. 63; Нифонтов, 1972. С. 47, 51].

Однако уже в 1855 г. началось оживление коммерческой жизни, вызванное военной конъюнктурой, увеличением спроса на различные товары и обилием в обращении бумажных денег. Инфляция подхлестнула рост цен и способствовала развитию частного предпринимательства, росту акционерного учредительства и биржевому ажиотажу. Правительство, разочарованное в возможностях казенной промышленности, стало поощрять частную инициативу. Снижение 20 июля 1857 г. процента по вкладам в казенных кредитных учреждениях с 4 до 3% повысило ценность биржевых бумаг, привело к массовому изъятию средств из банков и их отливу в акционерное учредительство [Шепелев, 1973. С. 69–78]. Стимулирующим фактором стали и выгодные государственные заказы частным предприятиям на поставки военной продукции по более высоким ценам. Например, если чугунные снаряды на казенных Уральских и Олонецких заводах обходились в сумму от 72 коп. до 1,15 руб. за пуд, то частным владельцам уплачивалось от 1,37 руб. до 2,75 руб., т. е. в два раза больше [Яковлев, 1955. С. 62].

Известный экономист В. П. Безобразов вспоминал о тех годах как о «золотом времени», когда «фабрики не успевали изготавливать товары, которые быстро расхватывались; строились новые фабрики и расширялись старые; удваивалось число рабочих часов, работали ночью; цены на все товары и заработки росли непомерно» [Безобразов, 1863. С. 20–21]. В 1855 г. возникли 5 новых акционерных компаний с капиталом 4,7 млн руб., в 1856 г. – 8 (16,7 млн руб.), в 1857 г. – 15 (148,6 млн руб.). Привоз товаров на Нижегородскую ярмарку увеличился до 63,8 млн руб. (1854 г.), 69,6 млн руб. (1856 г.) и 87,1 млн руб. (1857 г.); число рабочих на предприятиях, которое в 1854 г. снизилось до 459,6 тыс. чел., в 1856 г. составляло уже 518,7 тыс. чел. В эти годы рост обозначился почти во всех отраслях, кроме полотняного и льняного производств, а также добычи донецкого угля. Выпуск продукции обрабатывающей промышленности увеличился с 165,5 млн руб. (1855 г.) до 203,3 млн руб. (1857 г.) [Безобразов, 1882. С. 302; Туган-Барановский, 1900. С. 77; Яковлев, 1955. С. 64; Струмилин, 1960. С. 426; Шепелев, 1973. С. 63, 66; Лизунов, 2004. С. 115–120].

Однако инфляция и военная конъюнктура не могли быть устойчивыми факторами экономического развития. В конце 1857 г. появились признаки спада, причинами которого стали расстройство денежного обращения, уменьшение казенных заказов и влияние начавшегося на Западе экономического кризиса. Это выразилось в сокращении объема продукции бумаготкацкой, шелковой, суконной, камвольной, кожевенной и металлообрабатывающей промышленности. С 1856 по 1857 гг. производство сахарного песка снизилось с 2 611,8 тыс. до 1 911,4 тыс. пудов, выплавка чугуна – с 15,8 млн до 13,1 млн пудов [Яковлев, 1955. С. 64]. Кризис был отчасти нейтрализован удовлетворительными урожаями 1857 г. (153 млн четвертей) и 1858 г. (170 млн четвертей). Акционерный ажиотаж достиг апогея. В 1858 г. были учреждены 43 новые компании с капиталом 63,4 млн руб. При этом вместо прежнего обилия капиталов наступили безденежье и застой в торговле, началось падение товарных цен. Крах казенных банков, вызванный «изгнанием вкладов» в 1857 г., крайне затруднил кредитование промышленности, торговли и транспорта. Следствием исчезновения из обращения звонкой монеты стала острая нехватка оборотных средств. Мировой экономический кризис привел к стеснению внешней торговли. Российский экспорт упал с 169,7 млн руб. (1857 г.) до

151,2 млн руб. (1858 г.). Активное сальдо торгового баланса, составлявшее в 1857 г. 18 млн руб., уменьшилось в следующем году до 1,8 млн руб. Отлив золота за границу, составивший в 1857–1859 гг. 79,7 млн руб., значительно ухудшил расчетный баланс страны.

В полном масштабе кризис охватил народное хозяйство в 1859–1860 гг. Этому способствовал неурожай 1859 г. (105 млн четвертей), последствия которого не смог компенсировать средний урожай 1860 г. (156 млн четвертей). Вместе с тем, несмотря на ухудшение рыночной конъюнктуры, продолжался общий рост производства. Выпуск продукции обрабатывающей промышленности в 1859 г. составил 252,7 млн, а в 1860 г. – 268,8 млн руб. Однако, хотя привоз товаров на Нижегородскую ярмарку до 1860 г. постоянно возрастал, с их реализацией всякий раз возникали большие трудности. Резко сократился приток капиталов в акционерное учредительство. В 1859 г. число новых компаний составило 26 с капиталом 66,2 млн руб., а в 1860 г. – 17, с капиталом 8,9 млн руб. По стране прошла волна банкротств акционерных обществ, банков, торговых и промышленных фирм. Многие предприятия, основанные в годы оживления, сокращали свое производство и закрывались. Недавнее увлечение населения акционерным делом сменилось биржевой паникой. Депрессия в народном хозяйстве затянулась до середины 1860-х гг. [Покровский, 1902. С. 328; Таблицы. С. 117, 141; Яковлев, 1955. С. 69–80; Мендельсон, 1959. С. 570–574; Струмилини, 1960. С. 426, 476–483; Шепелев, 1973. С. 66; Нифонтов, 1972. С. 45; Лизунов, 2004. С. 120–125].

* * *

Даже после того, как русские войска покинули южную часть Севастополя, Александр II был готов продолжать борьбу. Он еще более утвердился в этом стремлении после неудачной попытки английского флота в августе 1855 г. захватить Свеаборг и взятия в ноябре этого же года турецкой крепости Карс на Кавказе. Однако финансовый кризис и невозможность достаточного материального обеспечения вооруженных сил стали одной из основных причин, заставивших «верхи» империи признать поражение России. В начале января 1856 г. в Зимнем дворце под председательством императора состоялось заседание высших сановников государства, на котором было принято решение о заключении мира [Муханов, 1896. С. 164–166]. Спустя несколько дней императрица Александра Федоровна сообщила своей фрейлине А.Ф. Тютчевой: «Все были того мнения, что продолжение войны невозможно в виду состояния армии и финансов». Она особо отметила, что «наши финансы истощены», и в войсках «не было ни оружия, ни снарядов» [Тютчева, 2002. С. 234, 235].

Финансовый кризис и экономические трудности переживали и страны враждебной коалиции. Однако при отсталости России и ограниченности ее финансовых возможностей война особенно негативно отразилась на ее народном хозяйстве. Она привела к затратам огромных людских и материальных ресурсов, значительному росту государственной задолженности, дезорганизации денежной системы, которая обострила послевоенный экономический кризис, наступивший после кратковременного оживления торгово-промышленной деятельности. М. Х. Рейтерн в официальной записке 1866 г. подчеркивал, что из Крымской войны «Россия вышла утомленная исполинской борьбой, с истощенными финансами и денежным обращением, главное основание которого нарушено выпуском 400 млн кредитных билетов» [Судьбы России. 1999. С. 114]. После заключения мира империя вступила в полосу экономических преобразований, которые стали важнейшей составной частью Великих реформ. С целью мобилизации внутренних ресурсов и привлечения в страну иностранных капиталов высшая бюрократия частично отступила от вековых автократических традиций экономической политики и стала ориентироваться на опыт западных стран, которые достигли прогресса на основе свободы предпринимательства. Большую популярность в правительственных кругах и обществе приобрели идеи

экономического либерализма с их апологией частной собственности, частной инициативы и конкуренции. Новые веяния выразились в смягчении таможенной политики, поощрении предпринимательства и акционерного учредительства, отчуждении части казенных предприятий, развитии частного кредита, либерализации питейного и соляного дела, строительстве железных дорог силами частных компаний. Особое значение в географических условиях России имело создание транспортной инфраструктуры, так как именно отсутствие возможности быстрой переброски войск на театр военных действий сыграло роковую роль в исходе войны. Правительству частично удалось преодолеть финансовые трудности: к началу 1870-х гг. были ликвидированы бюджетные дефициты; установлено бюджетное и кассовое единство доходов и расходов казны; реорганизовано ведомство Государственного контроля; учрежден Государственный банк; начала создаваться сеть сберегательных касс; проведена серия мероприятий по подготовке условий для стабилизации денежного обращения и восстановления свободного размена кредитных билетов на драгоценные металлы. Однако многолетние усилия Министерства финансов были во многом перечеркнуты Русско-турецкой войной 1877–1878 гг., когда политические соображения вновь возобладали над экономическими интересами. В итоге даже победоносная для России кампания обернулась очередным финансовым расстройством и кризисом в промышленности [Степанов, 2015. С. 99–119].

ЛИТЕРАТУРА

- Азанчеев Ю. (1900). Очерк деятельности казенных горных заводов по изготовлению предметов вооружения за 200-летие существования Горного ведомства. СПб.: Тип. М. Меркушева.
- Баллас М. (1895). Виноделие в России (историко-статистический очерк). Ч. 1. СПб.: Деп. зем.
- Безобразов В.П. (1863). О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлей и кредитом. Ч. 2. М.: Унив. тип.
- Безобразов В. П. (1882). Народное хозяйство России. Ч. 1. СПб.: Деп. торг. и мануфактур.
- Бескровный Л. Г. (1973). Русская армия и флот в XIX веке: военно-экономический потенциал России. М.: Наука.
- Блиох И.С. (1882). Финансы России XIX столетия: история – статистика. Т. 2. СПб.: Общественная Польза.
- Блиох И.С. (1898). Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях. Т. 4. СПб.: Тип. И.А. Ефрона.
- Боголепов М.И. (1910). Государственный долг (К теории государственного кредита). Типологический очерк. СПб.: Тип. О.Н. Попова.
- Боголепов М.И. (1914). Война, финансы и народное хозяйство. Пг.: Тип. ред. период. изд. М-ва фин.
- Бржеский Н.К. (1884). Государственные долги России: Историко-статистическое исследование. СПб.: Типолит. А.М. Вольфа.
- Вещиков П.И. (1997). Продовольственная служба армии и флота государства российского: исторический очерк. М.: Ин-т воен. истории Мин-ва обороны РФ.
- Гаврилов С.В. (2010). Развитие материального снабжения русской армии в XIX веке: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: СПбГУ.
- Дружинина Е.И. (1981). Южная Украина в период кризиса феодализма: 1825–1860 гг. М.: Наука.
- Еще раз о развитии внутренних сил России в минувшую войну (1857) // Военный журнал. № 3. С. 191–194.
- Затлер Ф.К. (1860). Записки о продовольствии войск в военное время. Ч. 2. СПб.: тип. торг. д. С. Струговщикова, Г. Похитонова, Н. Водова и К°.
- Затлер Ф.К. (1877). Описание распоряжений по снабжению Крымской армии в войну с 1854–1856 год продовольственными и огнестрельными припасами и суда над интендантством. Лейпциг: В. Гергард.
- Извлечение из всеподданнейшего отчета г. министра внутренних дел за 1855 год (1856) // Журнал Министерства внутренних дел. № 12. С. 59–124.
- Исторический очерк деятельности Военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича (1855–1880 гг.). / Составитель генерал-майор М.С. Максимовский. (1879). Т. 2. СПб.: Тип. М. Стасюлевича.
- Каменев К.И. (1884). Историческое описание Охтенского порохового завода: Период второй (1816–1890 гг.). СПб.: Гл. арт. упр. Воен. м-ва.
- Кауфман И.И. (1885). Государственные долги России // Вестник Европы. № 2. С. 572–618.
- Кашкаров М.П. (1898). Денежное обращение в России: Историко-статистическое исследование. Т. 1. СПб.: Государственная тип.

- Крым: прошлое и настоящее. [Бибииков М.В., Егоров В.Л., Некрасов А.М., и др.]; Отв. ред. С.Г. Агаджанов и А.Н. Сахаров. (1988). М.: Мысль, 1988.
- Кухарук А.В. (1999). Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I: Дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова.
- Ламанский Е.И. (1854). Статистический обзор операций Государственных кредитных установлений с 1817 г. до настоящего времени // Сборник статистических сведений о России, издаваемый Статистическим отделением Императорского русского географического общества. Кн. 2. СПб.: Тип. Морского м-ва. С. 159–305.
- Лапин В.В. (1991). Военные расходы России в XIX в. // Проблемы социально-экономической истории России: К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Романова. СПб.: Наука. С. 148–160.
- Лизунов П.В. (2004). Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703–1917 гг.). СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц».
- Ляпин В.А. (1982). Вклад уральской казенной промышленности в военное производство России в первой половине XIX в. // Развитие промышленности и рабочего класса горнозаводского Урала в досоветский период. Свердловск: УНЦ АН СССР. С. 103–105.
- Маркевич А.И. (1905). Таврическая губерния во время Крымской войны. Симферополь: Тип. Тавр. губ. земства.
- Материалы по денежной реформе 1895–1897 гг. / Под ред. А.И. Буковецкого. (1923). Вып. 1. Пг.: М.
- Мендельсон Л.А. (1959). Теория и история экономических кризисов и циклов. Т. 1. М.: Соцэкгиз.
- Мигулин П.П. (1899). Русский государственный кредит (1769–1899): опыт историко-критического обзора. Т. 1. Харьков: Типо-лит. «Печатное дело» кн. К.Н. Гагарина.
- Мигулин П.П. (1907). Русский государственный кредит (1769–1906): опыт историко-критического обзора. Т. 3. Вып. 5. Харьков: Типо-лит. «Печатное дело» кн. К.Н. Гагарина.
- Мордовин П. (1881). Русское военное судостроение в течение последних 25 лет: 1855–1880 гг. // Морской сборник. Т. 185. № 7. С. 97–133.
- Муханов В.А. Из дневных записок (1896) // Русский архив. Кн. 3. № 10. С. 161–199.
- Нифонтов А.С. (1971). Внешняя торговля России во время Восточной войны 1853–1856 гг. // Проблемы социально-экономической истории России: Сборник статей. М.: Наука. С. 69–90.
- Нифонтов А.С. (1972). Хозяйственная конъюнктура в России во второй половине XIX века // История СССР. № 3. С. 42–64.
- Покровский В.И. (1902). Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. 1. СПб.: Деп. таможенных сборов.
- Полное собрание законов Российской империи. (1854). Собрание II (ПСЗ-II). Т. 28. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии.
- Полное собрание законов Российской империи. (1855). Собрание II (ПСЗ-II). Т. 29. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии.
- Полное собрание законов Российской империи. (1856). Собрание II (ПСЗ-II). Т. 30. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии.
- Полное собрание законов Российской империи. (1857). Собрание II (ПСЗ-II). Т. 31. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии.
- Полное собрание законов Российской империи. (1858). Собрание II (ПСЗ-II). Т. 32. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии.
- Полное собрание законов Российской империи. (1854). Собрание II (ПСЗ-II). Т. 33. Отд. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1860.
- Пономарев В.Н. (1993). Крымская война и русско-американские отношения. М.: ИРИ.
- Семенов Л.С. (1975). Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX века. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Скальковский К.А. (1890). Наши государственные и общественные деятели. СПб.: Тип. А.С. Суворина.
- Скиндрер А.И. (1893). Горнозаводское дело в России // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 9. СПб.: АО «Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон». С. 258–263.
- Статистический временник Российской империи. (1886). Серия 3. Вып. 15. СПб.: Центральный статистический ком. М-ва внутр. дел.
- Степанов В.Л. (2015). Цена победы: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и экономика России // Российская история. № 6. С. 99–119.
- Струмилин С.Г. (1960). Очерки экономической истории России. М.: Соцэкгиз.
- Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.) (1999) / Публ. Л.Е. Шепелева. СПб.: Лики России.
- Тарле Е.В. (1950). Крымская война: в 2 т. М.; Л.: Акад. наук СССР. Т. 1.
- Тернер Ф.Г. (1858). Движение внешней торговли России с 1853 по 1856 г. // Сборник статистических сведений о России, издаваемый Статистическим отделением Императорского русского географического общества. Кн. 3. СПб.: Тип. Морского м-ва. С. 1–341.

- Туган-Барановский М.И. (1900). Русская фабрика в прошлом и настоящем: Историко-экономическое исследование. СПб.: О.Н. Попова.
- Тютчева А.Ф. (2002). При дворе двух императоров. М.: Изд-во «Захаров».
- Хромов П.А. (1950). Экономическое развитие России в XIX–XX веках. М.: Гослитиздат.
- Шевченко М.М. (2007). Историческое значение политической системы императора Николая I: к новой точке зрения // XIX век в истории России: Современные концепции истории России XIX века и их музейная интерпретация / Труды ГИМ. Вып. 163. М.: ГИМ. С. 281–302.
- Шепелев Л.Е. (1973). Акционерные компании в России. Л.: Наука.
- Яковлев А.Ф. (1955). Экономические кризисы в России. М.: Госполитиздат.
- Янбердин И.Т. (2006). Развитие провиантской службы русской армии во второй половине XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т военной истории МО РФ.
- Kennedy P. (1989). *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. New York: Random House.
- Leroy-Beaulieu P. (1869). *Recherches économiques historiques et statistiques sur les guerres contemporaines (1853–1866)*. Paris: Librairie International: A. Lacroix, Verboeckhoven et Cie, Editeurs.
- Pintner W. (1959). Inflation in Russia During the Crimean War Period // *The American Slavic and East European Review*. Vol. XVIII. No. 1. Pp. 81–87.

Степанов Валерий Леонидович

valerij-stepanov@mail.ru

Valerii Stepanov

doctor habilitatus in history, leading research fellow of the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
valerij-stepanov@mail.ru

THE CRIMEAN WAR AND THE RUSSIAN ECONOMY

Abstract. The article is devoted to the study of the consequences of the Crimean War (1853–1856) for Russian economy, as well as the influence of the country's economic backwardness on the course of the campaign. A large part of the able-bodied rural population was drafted into the army and the militia. The unprecedented growth of the billeting and the cart duty, as well as requisition collections by the authorities became a heavy burden for peasantry. Together with scant harvests of 1853–1856 it led to the decrease of areas under crops and cattle stock, the increase of prices on foodstuffs and the lowering of living standards of the population. Enormous war expenditure and the decrease of revenues led to the rising of the annual budget deficit. The latter had to be made up by mass emission of bank-bills, external loans and the borrowings from state banks. The result of financial difficulties was the growth of state indebtedness and the disorganisation of money circulation – the inflation and the drop of the rouble rate accompanied by constant fluctuations. The blockade of the Black Sea and the Baltic ports by the Anglo-French navy disturbed Russia's trade connections with other countries and abruptly reduced export and import operations and customs revenues. State industry did not manage supplying the army which badly needed equipment and munitions. Poor quality of transport communications and unsatisfactory organisation of the quartermaster's service did not allow supplying troops with uniforms, victuals and foddering to the extent required. In a few years the revival of commercial life and the development of private enterprise caused by the inflation and favourable military conjuncture gave way to an industrial crisis and common depression in the economy which dragged on till mid-1860s. Financial exhaustion and the inability to supply the army adequately were among the main reasons for Russia to conclude in 1856 the humiliating Paris peace treaty. The defeat in the Crimean War served as a stimulus for a number of economic transformations in the country which became the most important component of the Great Reforms.

Keywords: *war, economy, finance, military spending, industry.*

JEL Classification: N63, N53, N63, N73.

REFERENCES

- Azancheev Y.U. (1900). Oчерk deyatel'nosti kazennyh gornyh zavodov po izgotovleniyu predmetov vooruzheniya za 200-letie sushchestvovaniya Gornogo vedomstva. [A sketch of the activities of state mining plants for the manufacture of armaments for the 200th anniversary of the existence of the Mining Department]. SPb: Tip. M. Merkusheva.
- Ballas M. (1895). Vinodelie v Rossii (istoriko-statisticheskij oчерk). CH. 1. [Wine-making in Russia (historical and statistical essay)]. SPb.: Dep. zem.

- Bezobrazov V.P.* (1863). O nekotoryh yavleniyah denezhnogo obrashcheniya v Rossii v svyazi s promyshlennost'yu, trgovlej i kreditom. CH. 2. [On some phenomena of monetary circulation in Russia in connection with industry, trade and credit]. M.: Univ. tip.
- Bezobrazov V.P.* (1882). Narodnoe hozyajstvo Rossii. CH. 1. [The National Economy of Russia]. SPb.: Dep. torg. i manufaktur.
- Beskrovnyj L.G.* (1973). Russkaya armiya i flot v XIX veke: voenno-ehkonomicheskij potencial Rossii. [The Russian Army and Navy in the Twentieth Century: The Military and Economic Potential of Russia]. M.: Nauka.
- Blioh I.S.* (1882). Finansy Rossii XIX stoletiya: istoriya – statistika. T. 2. [Twentieth Century Finance in Russia: History – Statistics]. SPb.: Obshchestvennaya Pol'za.
- Blioh I.S.* (1898). Budushchaya vojna v tekhnicheskom, ehkonomicheskom i politicheskom otnosheniyah. T. 4. [The future war in technical, economic and political relations]. SPb.: Tip. I.A. Efrona.
- Bogolepov M.I.* (1910). Gosudarstvennyj dolg. (K teorii gosudarstvennogo kredita). Tipologicheskij ocherk. [State debt. (On the theory of public credit). Typological essay]. SPb.: Tip. O.N. Popova.
- Bogolepov M.I.* (1914). Vojna, finansy i narodnoe hozyajstvo. [War, finance and national economy]. Pg.: Tip. red. period. izd. M-va fin.
- Brzheskij N.K.* (1884). Gosudarstvennye dolgi Rossii: Istoriko-statisticheskoe issledovanie. [State Debts of Russia: Historical and Statistical Study]. SPb.: Tipol-lit. A.M. Vol'fa.
- Veshchikov P.I.* (1997). Prodovol'stvennaya sluzhba armii i flota gosudarstva rossijskogo: istoricheskij ocherk. [The Food Service of the Russian State Army and Fleet: A Historical Sketch]. M.: In-t voen. istorii Min-va oborony RF.
- Gavrilov S.V.* (2010). Razvitie material'nogo snabzheniya russkoj armii v XIX veke: dis. ... d-ra ist. nayk. [Development of the material supply of the Russian army in the nineteenth century]. SPb.: SPbGY.
- Druzhinina E.I.* (1981). Yuzhnaya Ukraina v period krizisa feodalizma: 1825–1860 gg. [South Ukraine during the crisis of feudalism: 1825–1860 gg.]. M.: Nauka.
- Eshche raz o razvitii vnutrennih sil Rossii v minuvshuyu vojnu (1857) [Once again about the development of Russia's internal forces in the past war] // Voennyj zhurnal. № 3. S. 191–194.
- Zatler F.K.* (1860). Zapiski o prodovol'stvii vojsk v voennoe vremya. CH. 2. [Notes on the food of troops in wartime]. SPb.: Tip. torg. d. S. Strugovshchikova, G. Pohitonova, N. Vodova i K°.
- Zatler F.K.* (1877). Opisanie rasporyazhenij po snabzheniyu Krymskoj armii v vojnu s 1854–1856 god prodovol'stvennymi i ognestrel'nymi pripasami i suda nad intendantstvom. [Description of the orders to supply the Crimean Army in the war from 1854–1856 with food and firearms and the trial of commissariat]. Lejpcig: V. Gergard.
- Izвлечение из всеподданнейшего отчета г. министра внутренних дел за 1855 год (1856) [Extract from the all-accounted report of the Minister of the Interior for 1855] // Zhurnal Ministerstva vnutrennih del. No. 12. Pp. 59–124.
- Istoricheskij ocherk deyatel'nosti Voennogo upravleniya v Rossii v pervoe dvadcatipyatiletie blagopoluchnogo carstvovaniya gosudarya imperatora Aleksandra Nikolaevicha (1855–1880 gg.) / Sostavitel general-mayor V.S. Maksimovskiy (1879). T. 2. [A historical sketch of the activities of the Military Administration in Russia in the first twenty-fifth anniversary of the safe reign of the Emperor Alexander Nikolayevich (1855–1880)]. SPb.: Tip. M. Stasyulevicha.
- Kamenev K.I.* (1884). Istoricheskoe opisanie Ohtenskogo porohovogo zavoda: Period vtoroj (1816–1890 gg.). [Historical description of the Okhten Powder Factory: Period of the second (1816–1890)]. SPb.: Gl. art. upr. Voen. m-va.
- Kaufman I.I.* (1885). Gosudarstvennye dolgi Rossii [Government Debts of Russia] // Vestnik Evropy. No. 2. Pp. 572–618.
- Kashkarov M.P.* (1898). Denezhnoe obrashchenie v Rossii: Istoriko-statisticheskoe issledovanie. T. 1. [Money circulation in Russia: Historical and statistical research]. SPb.: Gosudarstvennaya tip.
- Krym: proshloe i nastoyashchee [Bibikov M.V., Egorov V.L., Nekrasov A.M. i dr.]; Otv. Red. S.G. Agadzhanov i A.N. Sakharov. (1988). [Crimea: Past and Present]. M.: Mysl', 1988.
- Kubaruk A.V.* (1999). Dejstvuyushchaya armiya v voennyh preobrazovaniyah pravitel'stva Nikolaya I: Dis. ... kand. ist. nauk. [The active army in the military reforms of the government of Nicholas I]. M.: MGU im. M.V. Lomonosova.
- Lamanskij E.I.* (1854). Statisticheskij obzor operacij Gosudarstvennykh kreditnykh ustanovlenij s 1817 g. do nastoyashchego vremeni // Sbornik statisticheskikh svedenij o Rossii, izdavaemyj Statisticheskim otdeleniem Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. Kn. 2. [Statistical Review of Operations of State Credit Institutions from 1817 to the Present]. SPb.: Tip. Morskogo m-va. Pp. 159–305.
- Lapin V.V.* (1991). Voennye rashody Rossii v XIX v. // Problemy social'no-ehkonomicheskoy istorii Rossii: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya Borisa Aleksandrovicha Romanova. [Military expenditures of Russia in the twentieth century]. SPb.: Naukaie. Pp. 148–160.
- Lizunov P.V.* (2004). Sankt-Peterburgskaya birzha i rossijskij rynek cennykh bumag (1703–1917 gg.). [St. Petersburg Stock Exchange and the Russian securities market (1703–1917)]. SPb.: Russko-Baltijskij informacionnyj centr «Blic».
- Lyapin V.A.* (1982). Vklad ural'skoj kazennoj promyshlennosti v voennoe proizvodstvo Rossii v pervoj polovine XIX v. // Razvitie promyshlennosti i rabocheho klassa gornozavodskogo Urala v dosovetskij period. [The

- contribution of the Urals state industry to the military production of Russia in the first half of the 20th century]. Sverdlovsk: UNC AN SSSR. Pp. 103–105.
- Markevich A.I.* (1905). Tavrisheskaya guberniya vo vremya Krymskoj vojny. [Taurian Gubernia during the Crimean War]. Simferopol': Tip. Tavr. gub. zemstva.
- Materialy po denezhnoj reforme 1895–1897 gg. / Pod red. A.I. Bukoveckogo. (1923). Vyp. 1. [Materials on the monetary reform of 1895–1897]. Pg.: M.
- Mendel'son L.A.* (1959). Teoriya i istoriya ehkonomicheskikh krizisov i ciklov. Vol. 1. [Theory and history of economic crises and cycles]. M.: Socehgiz.
- Migulin P.P.* (1899). Russkij gosudarstvennyj kredit (1769–1899): Opyt istoriko-kriticheskogo obzora. Vol. 1. [Russian state credit (1769–1899): Experience of the historical-critical review]. Har'kov: Tipo-lit. «Pечатnoe delo» kn. K.N. Gagarina.
- Migulin P.P.* (1907). Russkij gosudarstvennyj kredit (1769–1906): Opyt istoriko-kriticheskogo obzora. Vol. 3. Vyp. 5. [Russian state credit (1769–1899): Experience of the historical-critical review]. Har'kov: Tipo-lit. «Pечатnoe delo» kn. K.N. Gagarina.
- Mordovin P.* (1881). Russkoe voennoe sudostroenie v techenie poslednih 25 let: 1855–1880 gg. [Russian military shipbuilding during the last 25 years: 1855–1880] // Morskoy sbornik. Vol. 185. No. 7. S. 97–133.
- Muhanov V.A.* Iz dnevnyh zapisok (1896) [From day notes] // Russkij arhiv. Kn. 3. No. 10. Pp. 161–199.
- Nifontov A.S.* (1971). Vneshnyaya trgovlya Rossii vo vremya Vostochnoj vojny 1853–1856 gg. // Problemy social'no-ehkonomicheskoy istorii Rossii: Sbornik statej. [Foreign Trade of Russia during the Eastern War of 1853–1856]. M.: Nauka. Pp. 69–90.
- Nifontov A.S.* (1972). Hozyajstvennaya kon'yunktura v Rossii vo vtoroj polovine XIX veka [Economic conjuncture in Russia in the second half of the nineteenth century] // Istoriya SSSR. No. 3. Pp. 42–64.
- Pokrovskij V.I.* (1902). Sbornik svedenij po istorii i statistike vneshnej trgovli Rossii. Vol. 1. [Collection of information on the history and statistics of foreign trade of Russia]. SPb.: Dep. tamozhennyh sborov.
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. (1854). Sobranie II (PSZ-II). Vol. 28. Otd. 1. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection II]. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstv. E. I. V. Kancelyarii. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. (1855). Sobranie II (PSZ-II). Vol. 29. Otd. 1. SPb.: V Tip. II Otdeleniya Sobstv. E. I. V. Kancelyarii. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection II].
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. (1856). Sobranie II (PSZ-II). Vol. 30. Otd. 1. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection II]. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstv. E. I. V. Kancelyarii. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. (1857). Sobranie II (PSZ-II). Vol. 31. Otd. 1. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection II]. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstv. E. I. V. Kancelyarii.
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. (1858). Sobranie II (PSZ-II). Vol. 32. Otd. 1. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection II]. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstv. E. I. V. Kancelyarii.
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. (1860). Sobranie II (PSZ-II). Vol. 33. Otd. 1. [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection II]. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstv. E. I. V. Kancelyarii.
- Ponomarev V.N.* (1993). Krymskaya vojna i rusko-amerikanskije otnosheniya. [The Crimean War and Russian-American Relations]. M.: IRI.
- Semenov L.S.* (1975). Rossiya i Angliya: Ekonomicheskie otnosheniya v seredine XIX veka. [Russia and England: Economic Relations in the Mid-Nineteenth Century]. L.: Izd-vo Leningr. un-ta.
- Skal'kovskij K.A.* (1890). Nashi gosudarstvennye i obshchestvennye deyateli. [Our state and public figures]. SPb: Tip. A.S. Suvorina.
- Skinder A.I.* (1893). Gornozavodskoe delo v Rossii [Mining in Russia] // Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona. Vol. 9. SPb.: AO «E.A. Brokgauz-I.A. Efron». Pp. 258–263.
- Statisticheskij vremennik Rossijskoj imperii. (1886). Seriya 3. Vyp. 15. [Statistical epoch of the Russian Empire]. SPb.: Central'nyj statisticheskij kom. M-va vnutr. del.
- Stepanov V.L.* (2015). Cena pobedy: Russko-tureckaya vojna 1877–1878 gg. i ehkonomika Rossii [The price of victory: Russian-Turkish war of 1877–1878 and the Russian economy] // Rossijskaya istoriya. No. 6. Pp. 99–119.
- Strumilin S.G.* (1960). Oчерki ehkonomicheskoy istorii Rossii. [Essays on the Economic History of Russia]. M.: Socehgiz.
- Sud'by Rossii. Doklady i zapiski gosudarstvennyh deyatelej imperatoram o problemah ehkonomicheskogo razvitiya strany (vtoraya polovina XIX v.) (1999) / Publ. L. E. Shepeleva. [Fate of Russia: Reports and notes of statesmen to emperors on the problems of the country's economic development (second half of the 20th century)]. SPb.: Liki Rossii.
- Tarle E.V.* (1950). Krymskaya vojna: v 2 t. [Crimean War]. Vol. 1. M.; L.: Akad. nauk SSSR.
- Turner F.G.* (1858). Dvizhenie vneshnej trgovli Rossii s 1853 po 1856 g. // Sbornik statisticheskikh svedenij o Rossii, izdavaemyj Statisticheskim otdeleniem Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. Kn. 3. [The movement of foreign trade of Russia from 1853 to 1856]. SPb.: Tip. Morskogo m-va. Pp. 1–341.
- Tugan-Baranovskij M.I.* (1900). Russkaya fabrika v proshlom i nastoyashchem: Istoriko-ehkonomicheskoe issledovanie. [Russian factory in the past and present: Historical and economic research]. SPb.: O.N. Popova.

- Tyutcheva A.F.* (2002). *Pri dvore dvuh imperatorov*. [At the court of two emperors]. M.: Izd-vo «Zaharov».
- Hromov P.A.* (1950). *Ekonomicheskoe razvitie Rossii v XIX–XX vekah*. [Economic development of Russia in the XX–XX centuries]. M.: Goslitizdat.
- Shevchenko M.M.* (2007). *Istoricheskoe znachenie politicheskoy sistemy imperatora Nikolaya I: K novej tochke zreniya // XIX vek v istorii Rossii: Sovremennye koncepcii istorii Rossii XIX veka i ih muzejnaya interpretaciya / Trudy GIM. Vyp. 163*. [The historical significance of the political system of Emperor Nicholas I: To a new point of view]. M.: GIM. Pp. 281–302.
- Shepelev L.E.* (1973). *Akcionernye kompanii v Rossii*. [Joint-stock companies in Russia]. L.: Nauka.
- Yakovlev A.F.* (1955). *Ekonomicheskie krizisy v Rossii*. [Economic crises in Russia]. M.: Gospolitizdat.
- Yanberdin I.T.* (2006). *Razvitie proviantskoj sluzhby russkoj armii vo vtoroj polovine XIX v.: dis ... kand. ist. nauk*. [Development of provisions for the Russian army in the second half of the 20th century]. M.: In-t Voennoy istorii MO RF.
- Kennedy P.* (1989). *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. New York: Random House.
- Leroy-Beaulieu P.* (1869). *Recherches économiques historiques et statistiques sur les guerres contemporaines (1853–1866)*. Paris: Librairie International: A. Lacroix, Verboeckhoven et C-ie, Editeurs.
- Pintner W.* (1959). *Inflation in Russia During the Crimean War Period // The American Slavic and East European Review. Vol. XVIII. No. 1. Pp. 81–87*.